

***Завалишин Вяч.*** Задумываясь над Чеховым // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 24 января. № 17111. С. 2.

# К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

но ли преобразить весь мир, не изменив прежде души отдельного человека? Можно ли это сделать путем принесения в жертву организованной стабильности индивидуальной неповторимости человеческой жизни? На это Чехов дает четкий и исчерпывающий отрицательный ответ.

В «Моей жизни» Чехов, например, пишет о жителях одного провинциального городка в России:

«Какую пользу принесло им все то, что до сих пор писалось и говорилось, если у них все та же душевная темнота и отвращение к свободе, что было и сто и триста лет назад».

...Пятьдесят тысяч жителей... читают и слышат о правде, о милосердии и свободе, и все же до самой смерти лгут от утра до вечера, мучают друг друга, а свободы боятся и ненавидят ее, как врага».

Так пишет человек, который, по словам Сергея Яблонского, смеет быть свободным, как никто.

2

Когда вышел из печати роман «Доктор Живаго», кого только не прочли в учителя Борису Пастернаку... А между тем Юрий Живаго говорит, что «из всех русских писателей» он больше всего любит «русскую детскость» Пушкина и Чехова. И думается, что в в духовной драме ученого Коврина, можно найти черты несомненного сходства с героем книги Бориса Пастернака, с тем, что этот герой болезненно мучительно, страдальчески переживает духовную трагедию послереволюционной России. Ведь та грубая реалистичность материалистических учений, которая опустошила внутренний мир Коврина, стала достоянием советской действительности, и Юрий Живаго гибнет в своем одиноком бунте против мертвящего монополизма этой реалистичности. Юрий Живаго живет мечтой о возрождении сокровенного смысла христианского учения, и эта мечта становится символом страдания и любви, без которых человек не может быть человеком.

И Борис Пастернак понимает, что сокровенный смысл учения Христа и церковность — далеко не одно и то же. Недаром в уста одного из действующих лиц «Доктора Живаго» Пастернак вкладывает такую мысль: «Вы не понимаете, что можно быть атеистом, можно не знать, есть ли Бог и для чего Он, и в то же время знать, что человек живет не в природе, а в истории и что в нынешнем понимании она основана Христом, что Евангелие и есть ее обоснование. Я сказал, — надо быть верным Христу».

Но автор «Доктора Живаго» — не враг православных обычаев и русской церкви, а искренний их сторонник, только церковность показана Пастернаком не в символическом, а в романтическом свете...

Я указал в этой статье только на одну общую точку соприкосновения Пастернака и Чехова. Но таких точек в романе «Доктор Живаго» гораздо больше.

Сам Пастернак в поисках той простоты, которая позволяет передать живую и сложную правду человеческих отношений, учится «русской детскости» Чехова, которую герой его романа Юрий Живаго ценит у русских писателей больше всего. Для сравнения я мог бы привести сходные пейзажи у Чехова и у Пастернака, родственные методы изображения психологии действующих лиц обоими писателями, некоторую общность стилистической конструкции фразы у того и у другого.

Творческий путь Пастернака — это путь превращения образованного западника в убежденного почвенника, и в какой-то мере это связано с тем, что Пастернак становится в наши дни законным наследником Чехова. Современный запад открыл Пастернака по тем же мотивам, по каким он теперь заново открывает Чехова. Пастернак нашел в себе мужество быть свободным в современной России так, как никто из советских писателей не смеет быть свободным.

Вяч. Завалишин

## Задумываясь над Чеховым

«Он не был ни в каком из лагерей» (т. е. не принадлежал ни к одному политическому лагерю). Напротив, лагери сами шли к нему и говорили: он наш... Отчего это? Оттого, что он был свободен так, как никто из нас не смеет быть свободным.

Так писал о Чехове Сергей Яблонский, в ситинском «Русском Слове» в 1913 году. Я вспомнил эти слова потому, что их любил приводить мой учитель академик Александр Сергеевич Орлов на специальном семинаре по изучению фантастических мотивов в творчестве русских классиков, который он вел в Ленинградском университете. Фантастика у классиков, по мнению А. С. Орлова, открывается «Пиковой дамой» Пушкина и кончается «Черным монахом» Чехова.

К сожалению, А. С. Орлов на своем семинаре вынужден был ограничиться только формальным анализом разбираемых произведений. Но, уже теперь, в эмиграции, вспоминая в чеховские дни об этом семинаре, я невольно задумался над тем, в чем же внутренний смысл «Черного монаха».

У религиозного мыслителя С. А. Алексеева - Аскольдова есть интересное исследование «О романтизме». В нем автор пишет:

«...Религиозность далеко не всегда совпадает с романтичностью. Потустороннее может конструироваться религиозным сознанием с полным подобием земному и человеческому. Такая религиозность чужда романтизму. Кроме того, религиозность может вырождаться в отвлеченную догму, столь же чуждую романтизму, как и грубая конкретность религиозных образов. Романтизм лежит между этими двумя крайностями».

Наиболее романтическая религия — христианство, с его живыми и глубокими чаяниями иного мира».

Попытаемся же, исходя из этого, подойти к рассказу Чехова «Черный монах», что, если не ошибаюсь, сделал и сам Алексеев-Аскольдов. В образе профессора Коврина, героя этого рассказа, мы видим как бы напряженную борьбу христианских романтических чаяний и грубой реальности материалистических теорий. Когда побеждает эта грубая реалистичность, Коврин становится умным, уравновешенным человеком, но из тех, что звезд с неба не хватают, хоть и умело подбирают звезды с земли. Коврин при этом с ужасом ощущает, что его духовная

жизнь превращается в бесплодную и сухую пустыню, что торжество материалистического рационализма вызывает страшную жажду его душевной жизни. Когда же романтические чаяния, преображаясь в мираж, а призраки средневекового монаха, берут верх над грубой реалистичностью материалистических учений, Коврин переживает восторг очищения от духовной опустошенности, освобождения от всего того, что делает жизнь скучной, серой, пошлой, утомительно однообразной и, может быть, ни в каком из других своих произведений, Чехов не был так внутренне свободен, как в «Черном монахе».

«Чехову», — писал А. С. Орлов в 1913 году в саратовской газете «Волге», по поводу «Черного монаха», — «знакомы были все отрицания и возражения против религии, и сам он колебался, сомневался, почти отказался от церкви... Но Чехов понимал и допускал возможность живого опыта веры. И эти ощущения не вызвали в нем никакой иронии, а описывались самым серьезным и спокойным образом».

В Коврине, герое «Черного монаха» Чехов и проявил себя большим и тонким психологом и показал, как угасает животворный огонь веры под напором таких отрицаний и возражений. Трагедия Коврина — это в то же время трагедия русской интеллигенции, во всяком случае далеко немалочисленной части ее.

Те же проблемы, которые в «Черном монахе» решаются Чеховым в романтическом или символическом плане, мы находим и в его наиболее серьезных реалистических произведениях. В статье «Чехов, как мыслитель» о. Сергей Булгаков об этом пишет так:

«Большинство сравнительно крупных произведений Чехова... посвящено изображению духовного мира людей, охватывающих поисками правды жизни и переживающих муки этого искания. В произведениях Чехова ярко отразилось это русское искание веры, тоска по высшему смыслу жизни, мятущееся беспокойство русской души и ее большая совесть».

Следует при этом отметить, что в таких произведениях Чехов нередко выражает свое неверие в то, что материалистические и революционные учения способны явить к лучшему нашу жизнь. Объясняется это тем, что такие теории и учения ищут энергию, способную преобразить мир, вне человека, а не в самом человеке. Но мож